

УДК 341.251.1. – 232.37

И. И. Янушевич,

*кандидат исторических наук, доцент, зам. декана
факультета социокультурных коммуникаций БГУ,
г. Минск*

Особенности организации антирелигиозной пропаганды в БССР (1932–1937 гг.)

В статье проводится анализ состояния антирелигиозной пропагандистской работы. В рассматриваемый период среди высшего партийного руководства отсутствовала единая точка зрения по вопросу проведения атеистического воспитания среди населения. Жесткие административные меры по отношению к религиозным организациям и группам верующих в исследовании определены как вызывающие наибольшее недовольство граждан. В статье охарактеризован процесс приведения антирелигиозной деятельности партийно-государственных структур в соответствие с задачами социально-экономического развития страны в условиях построения социалистического общества в отдельно взятой стране мира.

Ключевые слова: Союз воинствующих безбожников, Православная церковь, антирелигиозная пропаганда.

В период 1932–1937 гг. антирелигиозная пропаганда значительно утратила свою актуальность как в глазах непосредственных исполнителей на местах, так и высшего партийного руководства. В условиях существующей в середине 1930-х гг. системы поиска оптимальных управленческих решений вопрос о формах и методах антирелигиозной работы не получил должного ответа. После «года великого перелома» И. Сталин не давал никаких конкретных сигналов относительно значения безбожия в формирующейся системе партийной пропаганды. Лозунги о «безбожной пятилетке» и «безбожной республике» принимались в экстремальных условиях начала 1930-х гг. Необходим был поиск новых форм организации популяризации и навязывания атеизма.

Массово издаваемая в 1929–1932 гг. соответствующая литература охватывала весь спектр большевистской антирелигиозной пропаганды, но ее эффективность на практике в силу различных причин не подтверждалась. В 1932 г. на пике активности безбожного движения во дни религиозных праздников в храмах фиксировалось гораздо больше людей, чем в предыдущие годы. Тайные и открытые крестины, религиозные похороны, обрезания, реже венчания были массовым явлением.

Религиозность населения была высокой [1, л. 2–4]. Карнавалы, шествия, митинги только обостряли идеологически «нездоровый» интерес к вопросу религии у населения, которое в целом уже приняло правила игры о необходимости скрывать свои религиозные чувства. Союз воинствующих безбожников (далее – СВБ) не смог организовать массовое движение из искренних своих сторонников и рассыпался как замок из песка [2, л. 21]. Движение юных безбожников, предполагаемого потенциально резерва материалистически мыслящих советских граждан, постепенно затухало. Реально предложить что-то востребованное идеологическими работниками антирелигиозной пропаганды не было. Докматы, культовая практика, традиции основных конфессий осмеяны как выдумка для добывания средств, служитель культа изобличен как мошенник-контрреволюционер, верующий причислен к вымирающим индивидам. Постоянное повторение подобных мантр подрывало интерес к вопросу и его актуальность. Значительная часть населения это уже слышала или читала, но ожидаемых большевиками оргвыводов не сделала. На местах даже партийное руководство удивлялось целесообразности активной антирелигиозной работы. «Большинство партийных, советских, комсомольских и профсоюзных организаций в большинстве случаев с момента закрытия церквей или других молитвенных зданий считают работу в области антирелигиозной пропаганды законченной, считают, что ими уже все необходимое сделано. Тогда как действительное положение вещей говорит о совершенно противоположном. Церковники и сектанты широко используют то положение, когда многие партийные, профсоюзные и комсомольские организации бездействуют в области антирелигиозной пропаганды, причем некоторые товарищи исходят тут из гнилой совершенно ложной оппортунистической «теории», что антирелигиозная пропаганда якобы является уже пройденным этапом, что религия в Советском Союзе в настоящее время не играет уже никакой роли, что рабочие и колхозники культурно выросли и поэтому не нуждаются в антирелигиозной пропаганде» [3, л. 349]. Как очевидный пример – ситуация в Быховском районе, где председатель сельсовета Безлюдов вместо организации повседневной антирелигиозной работы в массах ограничился направлением членов горсовета для сбора подписей за закрытие церкви без всякой предварительной массовой разъяснительной работы среди населения [4, л. 391–392].

Актуальным было на данном этапе сосредоточиться на попу-

ляризации атеизма и борьбе с религиозностью населения, однако методика определения этой самой религиозности уже была полностью оторвана от реальности. Верующим определялся человек, внешне демонстрировавший то, что он допускает существование сверхъестественных сил. Снявший крестик, тщательно скрывающий наличие икон человек уже причислялся к атеистам, а значит и не нуждался в безбожной пропаганде. На льнопрядильной фабрике им. Когановича в г. Орше член фабкома Чистобаева заявила, что во время встречи с работницами Костромской льнопрядильной фабрики крестики даже у молодых, а «у нас таких фактов нет» [5, л. 92]. Председатель комитета коммунистической партии завода им. Кирова в г. Витебске вполне осознанно утверждал: «У нас верующих нет. Мы объездили все квартиры рабочих и ни у кого не заметили икон» [5, л. 97].

Люди в безбожных колхозах, бригадах, районах искусственно причислялись к неверующим. Рост сектанства, нетрадиционной окультно-мистической деятельности, в том числе с явными асоциальными проявлениями, идеологов-антирелигиозников интересовал в случае неординарных ситуаций. Особенно вызывала озабоченность деятельность по сбору подписей за открытие храмов [6, л. 394]. Создаваемые в подобных случаях бригады из партийных, комсомольских, советских работников и органов НКВД в меньшей степени интересовал вопрос мировоззрения «отщепенцев». Главной задачей было проведение такой работы, чтобы из этой местности тревожных сообщений по этому вопросу не возникало.

Существенной проблемой для антирелигиозников при проведении профилактической работы по предотвращению действий по открытию храмов стала новая «сталинская конституция». Предполагавшийся очередной шаг по полному запрещению любой религиозной деятельности был отвергнут И. Сталиным, обозначившим при обсуждении новой редакции следующее: «Далее идет поправка к статье 124-й проекта Конституции, требующая ее изменения в том направлении, чтобы запретить отправление религиозных обрядов. Я думаю, что эту поправку следует отвергнуть как не соответствующую духу нашей Конституции» [7, с. 149]. За признанием права на исповедование любой религии последовала волна жалоб на незаконное снятие с регистрации молитвенных зданий и заявлений об открытии и их, и официально не закрытых, но и фактически не функционирующих храмов. В этой ситуации пропагандисты обязывались объяснить населению, что, несмотря на дарованную партией «широчайшую

демократию», сама по себе мысль об открытии храмов является контрреволюционной. Подпись под заявлением могла значительно усложнить жизнь человека, особенно если после проведенной профилактической беседы он не соглашался ее отозвать. Однако реально противопоставить что-либо возникшему движению было сложно. Это обозначалось и в докладной секретарям ЦК КП(б)Б: «Уже одно сопоставление подачи заявлений на закрытие (112) и открытие (237) молитвенных домов за 1936 г. явно свидетельствует о значительной активизации церковников и всей слабости нашей антирелигиозной пропаганды в республике. Причем, надо иметь в виду, что церковники при организации ходатайства об открытии молитвенных домов проводят вокруг каждого заявления более усердную, «массовую» по существу контрреволюционную работу по одурачиванию трудящихся, нежели наши партийные, комсомольские, профсоюзные и другие организации проводят антирелигиозную, политвоспитательную работу вокруг сбора подписей за закрытие церкви, костелов, синагог» [6, л. 394–395].

Эмоциональный фон для сбора подписей за открытие храмов был гораздо более благоприятным, хотя весьма небезопасным. Свои подписи могли поставить наименее зависимые от государства граждане, тайно или явно поддерживаемые большинством населения, в то же время за закрытие отдавали свои подписи партийцы, комсомольцы, ответственные работники, бюджетники, что не способствовало их авторитету в глазах верующих, хотя последние и понимали вынужденность подобных поступков. Причем даже и таким способом очень часто подписи собирались практически мошенническим путем, как, например, Любонической церкви Кировского района в 1935 г. Незаконно изъятое для хозяйственных нужд помещение церкви было испоганено, имущество разворовано, а вместо агитационно-пропагандистской работы против инициированного церковной пятеркой сбора подписей за открытие храма «Любоническая сельская парторганизация, в течение 2-х лет не проводившая никакой антирелигиозной работы, начала собирать подписи о закрытии церкви, причем в этих списках фигурируют дети от 8-ми лет и старше» [8, л. 14]. В соседней школе в д. Сергеевичи директор школы сам расписывался за нежелающих это сделать первоклассников. «Учеников 4-го класса с целью добиться их подписей Желобкович после окончания занятий в 13 ч 30 мин задержал и отпускал их только после того, как они соглашались на включение их в список. 19 учеников, которые не соглашались дать свои подпи-

си, Желобкович задержал до 19 часов» – докладывал в ЦК КП(б) Б народный комиссар внутренних дел БССР Берман в апреле 1937 г. [8, л. 15]. Если даже у НКВД методы работы идеологических структур вызвали возмущение, то говорить о каком-то доверии со сторон населения не приходится. Вместо легитимации своих действий в отношении религии и церкви власти шли на конфронтацию и демонстрацию своей силы, подкрепленную низким уровнем информационно-пропагандистского сопровождения процесса построения безрелигиозного общества в социалистическом государстве.

Таким образом, проведенное исследование показало, что в антирелигиозной работе партийных и государственных структур в 1932–1937 гг. агитационно-пропагандистское направление находилось на достаточно низком уровне. Основной комплекс мероприятий был направлен на борьбу с внешним проявлением гражданами своей религиозности, а не на решения поставленных высшим партийным руководством задач по атеистическому воспитанию населения.

Список литературы

1. Российский государственный архив социально-политической истории. – Фонд 89. – Оп. 4. – Д. 26.
2. Государственный архив Российской Федерации. – Фонд 5407. – Оп. 1. – Д. 104.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 12099.
4. НА РБ. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 12082.
5. НА РБ. – Фонд – Оп. 1. – Д. 15629.
6. НА РБ. – Фонд – Оп. 1. – Д. 11834.
7. Сталин, И. В. Вопросы ленинизма. Изд. 11 / И. В. Сталин. – М., 1953. – 617 с.
8. НА РБ. – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 12035.

There is an observation in the article, which deals with the conditions of antireligious work in Belarus. It was stated that in the period under review within the top party leadership there was no single point of view on the issue of the population atheistic education. Tough administrative measures against religious organizations and groups of believers were identified in the study as the measures causing the greatest citizens' discontent. Organizational capacity of the process of bringing the party-state structures anti-religious activities in accordance to objectives of the country socio-economic development in terms of socialist society building in one country of the world were characterized.